

Книги Дема Михайлова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПЫЛАЮЩИЕ ДЮЗЫ
ЭХО ВОЙНЫ**

Межавторский цикл
«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев
**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ**

Дем Михайлов
ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ЭХО
ВОЙНЫ

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М69

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1010

Художник
И. Воронин

Михайлов Д.
М69 Эхо войны: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 281 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2245-6

Ядерная война окутала мир удушающим саваном. Но многим повезло выжить — например, тем, кто в черные дни оказался в местах, где не падали ядерные боеголовки. Небольшой пустынный городок в сердце Красных Песков почти не был затронут опаляющим атомным пламенем. Радиация есть, но ведь ее не видно, а стало быть, и думать о ней нечего. Тут главное кусок мяса раздобыть, чтобы с голоду не сдохнуть — ведь кормить никто не станет.

Дни молодого охотника Битума похожи один на другой: время заполнено охотой, поиском съедобных растений, ловлей насекомых, выслеживанием серьезной добычи. Он одиночка. Себе на уме. Хоть и молод, но сыскал уважение прочих — дело свое знает, много не говорит. Так бы и шла дальше жизнь, но однажды в город прибывает машина чужаков из далекой России. Эти люди отлично вооружены, немногословны, мрачны и скрытны. И вопреки своей воле охотник Битум становится их проводником в песках, где каждый бархан скрывает под собой нечто ужасное, а среди руин бродят безумные людоеды... Чужаки движутся к своей неведомой цели, остальные следуют за ними в этом смертельно опасном походе по радиоактивной пустыне...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Дем Михайлов, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2245-6

ПРОЛОГ

Вот уже тридцать лет небольшой городок медленно уходит в песок, что беспрестанно приносит горячий ветер из сердца раскаленной пустыни. Окраины давно скрылись под пологими и сыпучими барханами, на которых растут редкая верблюжья колючка и жалкие кустики саксаула, с редкими вкраплениями уродливо торчащих бетонных плит и причудливо изогнутой арматурной сетки.

Городскому центру повезло — если окраины большей частью состоят из самых старых трехэтажных, редко четырехэтажных, кирпичных построек, то дальше идут дома повыше, собранные из массивных бетонных плит. Именно они отрезали песку путь в сердце промышленного городка. Но так не могло продолжаться слишком долго: регулярные ураганы приносили тонны мелкого песка, который, словно абразив, медленно, но упорно подтачивал стены построек. Среди пологих песчаных холмов виднелись первые жертвы песчаной ярости — обрушившийся остов длинного семиэтажного здания, рядышком притулилась провалившаяся посередине, почти засыпанная четырехэтажка. Таких свидетельств апокалипсиса более чем достаточно. Еще полвека — и пустыня поглотит последние свидетельства некогда великой цивилизации.

Но жизнь пока еще теплится в окружающих окрестностях — кое-где за полуразрушенными остовами домов поднимаются к небу редкие жидкие дымки костров, в воздухе чувствуется запах готовящейся похлебки из юрких пустынных ящериц и беспомощных в своей медлительности черепах. Оставшиеся в живых после Великого Затмения и Смертного Холода продолжают жалкие попытки выжить в раскаленной домне пустыни, некогда носившей имя Кызылкум — пустыня Красных Песков... Теперь ее называют иначе — Знойной Пустошью. Еще чаще — Адским Пеклом. В обиходе же говорят просто: пески.

Глава первая

ЧУДЕСА УТРЕННЕГО ПРОМЕНАДА

С самого начала покосившееся здание ничем не привлекло моего внимания. Таких полуразрушенных бетонных коробок в округе более чем достаточно. Некоторые сохранились лучше, от других остались выгоревшие остовы или груды перекрученной арматуры, бетонной крошки и кирпича. Я почти миновал его, когда краешком взгляда зацепился за неплотно прикрытую подъездную дверь.

Несколько дней назад я проходил здесь. Тогда покосившаяся ржавая металлическая плоскость стояла открытой нараспашку, упершись нижним углом в бетонный выщербленный пол, — верхняя петля давно проржавела и, не выдержав веса металла, лопнула. А сейчас дверь кто-то аккуратно закрыл. Захлопнуться от порыва ветра она не могла — больно тяжела. На выщербленном и побелевшем от старости бетоне осталась четкая борозда. И несколько неровных темных пятен. Кровь.

Машинально присев за обгоревшим остовом грузовика, я прислонился спиной к ржавому ободу колеса и задумался. Внутри здания кто-то был. Человек. Раненые животные не прикрывают за собой дверь. В крайнем случае там мутант. И так или иначе, кто бы там ни был, он или она истекает кровью.

Я все еще мог просто уйти, благо дополнительный маршрут давно продуман и многократно проверен: развернуться назад, перебраться через невысокий каменный забор бывшего детсада и, пройдя его насквозь, оказаться между двумя полуразрушенными четырехэтажками галерейного типа. Оттуда рукой подать до моей берлоги.

С другой стороны, если неизвестный тяжело ранен, он мог уже умереть, и тогда мне светит обломиться все его барахло...

Голодная зима только-только закончилась, и, хотя я пережил ее относительно благополучно, последнее время мне не слишком везло в охоте. Если удастся разжиться съестным, то смогу переждать надвигающийся песчаный шторм в уютной берлоге. Это при идеальном раскладе.

А еще я могу нарваться на отравленный болт из арбалета или на пулю, пока буду вслепую красться по темным коридорам безжизненного здания. Укрывшийся внутри неизвестный тоже не дурак и, несомненно, ожидает незваных гостей. Ранение заставило его озлобиться, нервы на взводе, сначала будет стрелять, а потом разбираться.

Что делать?

Вскоре жадность перевесила благоразумие. Проклиная себя на все лады, я прополз под грузовиком и осторожно осмотрел темные окна с торчащими осколками стекла. Ничего и никого. Панельный пятиэтажный дом выглядел, как ему и положено, мертвым. Не сбавляя темпа, метнулся под стену дома, в любую секунду ожидая услышать выстрел или звенящий свист стрелы — последнее, что я услышу в жизни. Прикинув к нагретой солнцем стене, как ящерица, задержал дыхание и прислушался, поводя глазами по сторонам, особое внимание уделяя черным провалам окон.

Тишина... только легкий весенний ветер едва слышно шелестит над крышами...

К подъезду я не пошел — ищи дурака! Если раненому незнакомцу хватило ума прикрыть за собой дверь, то, может, и на установку ловушки мозгов хватит. Однажды я по тупости напоролся на присыпанного песком «ежа» — хромал два месяца и только чудом не помер от столбняка или заражения крови. Ну и, конечно, та удача, что я вовремя достал пару блистеров с пенициллином и прилежно жрал по таблетке в день. Правда, если вспомнить, что именно пришлось отдать за таблетки, то лучше бы я сдох, — отнес на толкучку практически новый шахтерский фонарик.

Подпрыгнув, я уцепился за выщербленные кирпичи и, подтянувшись, одним рывком оказался на подоконнике. Изображать из себя неподвижную мишень не стал — глядя, куда ставлю ноги, мягко спустился на пол, шагнул в темный угол и присел, одновременно доставая из кармашка метательный нож. Рукоять привычно влипла в ладонь, ее ощущение подействовало на меня успокаивающе. Пару минут я неподвижно сидел, пока глаза привыкали к сумраку. Убедившись, что вижу отчетливо, в два мягких шага оказался у двери и, рывком выглянув в коридор, тут же дернулся обратно. Нормально, опасности нет — за долю секунды успел оглядеть узкий коридор и убедился, что он пуст. Нет даже развалившейся мебели. Вообще ничего, кроме слоя пыли на полу и стенах. И дверь пропала — вместо нее пустой дверной проем с вырванным с мясом косяком. Работа мутов-мусорщиков — они волокут к себе в подземелья все подряд без разбору. Натура у них такая... мусорная.

В остальные комнаты заглядывать не стал и быстро проскочил короткий коридор, стараясь не шуметь. С рюкзаком за спиной это не так-то и легко, но оста-

вить все свои вещи под остовом грузовика я просто не смог — жаба задавила. Вот будет смех, если я здесь ничем не разживусь, а за это время мой рюкзак сменит владельца. Нет уж.

Задержался я только на лестничной площадке, где вновь опустился на колени и внимательно осмотрел замусоренный пол. Ничего. Ни следов неизвестного, ни капель крови. Вся площадку покрывал нигде не нарушенный желтоватый налет песка. Здесь никто не проходил как минимум несколько недель, а то и больше.

«Помер прямо в подъезде?» — мелькнуло в голове. Изогнувшись, словно змея, я осторожно перегнулся через перила и разочарованно обозрел пустую коробку подъезда с покосившейся дверью. Ничего интересного, кроме ключев облезшей краски, бетонной пыли вперемешку с песком и засохших людских экскрементов.

— Да чтоб тебя! — не сдержавшись, выругался я во весь голос. Зря потел и изображал из себя невесть что.

«Тоже мне великий разведчик пустыни! — мысленно отругал я себя. — Сколько раз тебе Тимофеич говорил первую заповедь: не включай воображение, не включай воображение!»

А ведь прав был старик, пусть песок будет ему мягок! Стоило мне увидеть несколько капель крови (а кровь ли это вообще?) и сдвинутую с места дверь, как сразу включилось воображение и мысленно дорисовало умершего незнакомца с битком набитым рюкзаком за плечами и связкой снаряженных огнестрелов! Небось подраненный джейран налетел боком на дверь и помчался дальше, уходя от горе-охотников. А я, придурок наивный, губы раскатал на богатую добычу... Эх...

Уже не таясь, я шумно прошлепал по выщербленным бетонным ступеням, на ходу пряча нож обратно в кармашек. Сделал несколько шагов к двери и только было собрался выглянуть на улицу, как краем глаза

зацепил что-то темное на полу и остановился словно вкопанный. Не двигаясь, скосил глаза вниз и с обмиранием увидел цепочку темных пятен, пересекающих пол и уходящих мне за спину... Лопухнулся...

Медленно подняв руки с растопыренными пальцами вверх и в любой момент ожидая удара ножом под лопатку, я сорванным голосом просипел:

— Я просто прохожу мимо. Я не по твою душу. Просто прохожу мимо.

Ответом мне была тишина, но удара не последовало, что радовало несказанно. Постояв несколько мгновений, я не выдержал и обернулся, а в следующую секунду проклял свою непроходимую тупость: как я мог забыть, что в пятиэтажках вход в подвал находится именно в подъезде? Похоже, относительно спокойная зима подействовала на мои мозги сильнее, чем я думал. Расслабился...

В стороне от первого лестничного пролета в стене зияло черное отверстие почти квадратной формы, на пороге виднелись все те же пятна. Видимо, ранение оказалось настолько серьезным, что у незнакомца не хватило сил подняться по ступеням и он предпочел укрыться в подвале. Наклонившись, я окунул палец в самое большое пятно и, поднеся к носу, принюхался. Столь знакомый запах... теперь все сомнения отпали — это была еще толком не свернувшаяся кровь.

Глядя на зияющий провал, я невольно призадумался. Желания спускаться не было. Закрытых помещений я всегда старался избегать по мере возможности. Особенно незнакомых подвалов, где полно технологических ниш, невысказанным образом перекрученных ржавых труб, непонятных закутков и каморок — в общем, целый лабиринт. Но в этом случае выбора нет. Воспоминание о том, что из еды у меня остались только наполовину полная алюминиевая

фляга военного образца и несколько ломтиков подсушенного черепашого мяса, придало решимости, и, проклиная все на свете, я шагнул вперед.

Сегодня удача на самом деле улыбалась мне. Далеко идти не пришлось. Едва я спустился по пологой металлической лестнице, как наткнулся на лежащее ничком тело. Судя по неестественной застывшей позе, это холодный труп. Труп мужчины. На это указывали коротко подстриженные волосы, мощная спина и широкие плечи, обтянутые... обтянутые... Да быть такого не может!

Опустившись на корточки над трупом, я замер в ошеломлении, граничащем с шоком. Сам труп для меня не был чем-то необычным — я постоянно наталкивался на человеческие останки во время вылазок в городские джунгли и пустыню. Меня вогнал в ступор внешний вид незнакомца. С ног до головы мужик был облачен в камуфляж песчаной расцветки! Подобную одежду мне приходилось видеть кое-где, но всегда в разрозненном виде и в крайне плачевном состоянии, заплатата на заплате. Здесь же камуфляж в полном комплекте и новехонький до хруста! Обхватывающая голову незнакомца бандана той же расцветки. Шанс увидеть в нашем городе полный комплект новехонькой песчанки был нулевым. До сего момента...

Облачение трупа портили две неаккуратные окровавленные дыры на спине. Одна на правом плече, другая чуть ниже и ближе к середине спины. Рана от огнестрела, несомненно. Удивительно, что с такими тяжелыми ранениями ему хватило сил уйти от противника и забиться в укрытие. Легкое пробито гарантированно.

Настоящий катарсис я испытал, когда перевел взгляд ниже: на ногах красовались самые настоящие ботинки с толстой ребристой подошвой. На расстоянии шага лежал вместительный рюкзак, и — о чудо! —

тоже камуфляжной расцветки! Рядом с рюкзаком пистолет, который я тут же заграбастал и, не разглядывая, сунул за свой потертый солдатский пояс с выбитой пятиконечной звездой на пряжке. Следующим движением я схватил рюкзак и неосознанно прижал к груди.

Вот это повезло, так повезло...

А ведь несколько часов назад я и не представлял себе, что мне улыбнется такая удача. Максимум, на что я рассчитывал, — это накопать в окрестностях сладких луковиц тюльпанов, наткнуться на выползшую из норы черепаху или поймать пару юрких ящериц. А тут такое!

В мои загребушие руки попало настоящее сокровище. Пусть камуфляж прострелен и испачкан в крови, я с большой выгодой легко обменяю его у барыг на такое количество продуктов и воды, что смогу неделю не покидать своей уютной берлоги! А пистолет! Ботинки! А еще неоткрытый рюкзак!!!

И вот тут, как-то рывком и сразу, ко мне пришло чувство неосознанной опасности. Все-таки я полный кретин. Мужик ведь не своей смертью помер, кто-то ему сильно помог и теперь рассчитывает захватить заслуженную добычу. А мне просто повезло оказаться в нужном месте чуть раньше, чем охотнику, сейчас несомненно идущему по кровавому следу. И он очень сильно огорчится, когда обнаружит, что его кто-то опередил.

«Надо рвать когти! Прямо сейчас!» — прошелестело в мозгу, и я принялся за дело.

Найденный рюкзак с неохотой отложил в сторону и начал разоблачать погибшего, путаясь в непривычных застежках и липучках. Но я справился. Чтобы раздеть труп до белья, мне понадобилось не больше пяти минут, еще три ушло на утрамбовку вещей в собственный рюкзак. Последний раз крутанувшись на

месте, я убедился, что ничего не забыл, и поспешно загромыхал вверх по лестнице, с хрустом давя сбежавшихся на запах еды насекомых.

Не обращая внимания на подъездную дверь, поднялся на один лестничный пролет и нырнул в первую попавшуюся квартиру. Короткая перебежка до задней комнаты и прыжок в окно, на песочную кучу у стены. Да, я сильно рисковал, когда прыгал на песок, там могло скрываться все что угодно, например торчащая вверх ржавая арматура, способная вспороть меня от живота до шеи, но осознал я это лишь через десяток минут, когда, запыхавшись, перевалился через каменный забор детского сада и обессиленно рухнул на землю.

Одна радость — микрорайон окраинный, здесь редко кто бывает. По очень простой причине: слишком близко к пустыне, откуда лезут мутировавшие твари, привлеченные запахом пищи. Одни скорпионы и здоровенные мохнатые фаланги чего только стоили. Но это еще мелочи. Случалось, сюда забредали ведомые чувством голода вараны. Вернее, являлись те твари, чей предок некогда был серым вараном, — во всяком случае, именно так говорил Тимофеич. Теперь же это бронированное чешуйчатое уродище с длиннющим хвостом, здоровенной пастью и дико токсичной слюной. Сам я видел варанов до четырех метров длиной, но ходили слухи и о более крупных монстрах, живущих около давно заброшенной урановой шахты, что расположена в пятидесяти километрах от города. Встретиться даже с молодым вараном без огнестрела в руках означало быструю и мучительную смерть. Единственное приятное в тварях — зимой они впадали в спячку, и до весны о варанах можно было не вспоминать. Да только сейчас шел первый месяц весны. Время, когда вся пустыня начинает пробуждаться

от зимнего сна. Когда изголодавшиеся рептилии выбираются на поверхность и ищут поживы.

Переведя дыхание, я с усилием заставил себя подняться на ноги и, сгибаясь под тяжестью двух рюкзаков, потрусил дальше, не забывая крутить головой по сторонам и поглядывать под ноги, на бугристый песок и асфальтовое крошево. Главное — успеть дотащить барахло в укромное место и не попасться никому на глаза. Город кажется вымершим, но на самом деле жизнь здесь бьет ключом. Однако льется из этого ключа не родниковая вода, а грязевая жижа с вонючим запахом разложения. Лишь бы никто меня не засек, лишь бы никто не засек...

Это было второй заповедью Тимофеича — стремление к полной анонимности. Чем меньше людей и мутов знает, где я живу и чем занимаюсь, тем больше у меня шансов дожить до следующего утра. А жить я хотел очень сильно, поэтому старательно впитывал в себя крупички драгоценного знания, щедро даруемого Тимофеичем. Я никогда не произносил этого вслух, но всегда считал старика отцом. Человек, которому я обязан жизнью и которого не смог уберечь. Единственный, кто был мне по-настоящему близок.

Именно что был — четыре месяца назад старик пошел на толкучку купить пару баклажек с артезианской фильтрованной водой и больше не вернулся. Нашел я его уже в сумерках лежащим навзничь на разбитых стеклоблоках. Опознать Тимофеича удалось только по многочисленным зоновским наколкам и клочкам седых волос — лицо превращено в кровавую кашу, откуда выглядывали обломки костей, тело искромсано в клочья осколками стеклоблоков, в которые старика буквально втоптали еще живым... Страшные воспоминания... В тот день я первый раз в жизни серьезно напился...

Пока размышлял о событиях прошлого, ноги уже пронесли меня через весь микрорайон на окраину, где и находилось мое убежище. Мой дом.

Это самый конец города. Дальше только бескрайняя пустыня. Когда-то в прошлом здесь в ряд, зажатые с боков мощными панельными пятиэтажными домами, стояли три кирпичные четырехэтажки. Из них к настоящему моменту устояла только одна, самая последняя, красующаяся облупленным номером «13» на боковой стене. Воистину ирония судьбы. Но мой путь лежал не к уцелевшему зданию, а в противоположную сторону. К номеру пятнадцать, где от самого корпуса осталось лишь несколько каменных зубов, сиротливо торчащих из желтого песка.

Добравшись до пологого склона бархана, не оставиваясь, я вскочил на выдающийся из песка каменный бордюр и уже по нему поспешил дальше, огибая обрушившееся здание по периметру. Оказавшись с тыльной стороны дома, внимательно огляделся по сторонам, особое внимание уделяя дрожащему мареву пустыни. Убедившись, что не наблюдаю никакого движения, сбросил рюкзаки и, упав на колени, принялся с остервенением разгребать сыпучий песок. Через минуту упорной работы обнажились контуры квадратного металлического люка и пластина, прикрывающая скважину замка, ключ от коего висел у меня на шее на прочном волосяном шнурке. Механизм замка мягко шелкнул, втягивая в свое нутро мощные стальные стержни. Откинув крышку люка, я сбросил добычу вниз и поспешил следом, заученно нащупывая скобы ступенек. Поддерживаемый мною люк мягко и бесшумно опустился на место, отрезая меня от внешнего мира.

Осталось последнее и самое важное — нащупав на стене рычаг, я с силой опустил его вниз до упора, вер-

нул в прежнюю позицию и повторил всю процедуру сначала. Видимого результата не было, но я знал, что в двух метрах над моей головой скрытая в толще бархана железная пластина едва заметно шевельнулась и обрушила на люк солидную порцию песка. Теперь если кому и вздумается забрести за давно рухнувшее здание, он не увидит ничего, кроме опостылевшего песка и унылых шаров перекасти-поля. Именно поэтому я так старался идти по бордюру и асфальту, чтобы не оставлять следов. А если где и наследил, посвистывающий над городом суховея скоро выровняет песок и загладит мои огрехи.

Все... я дома... в безопасности... можно перевести дыхание и успокоиться...

Убежище представляло собой сложное переплетенные скособоченных коридоров и трех крошечных каморок-комнатушек. Кое-где из стен выдавались проржавелые трубы бывшей канализации и водопроводной системы. Растресканный бетонный потолок нависал над самой головой, в некоторых местах приходилось пригибаться. Темно здесь не было — через специально оставленные отверстия проникали редкие солнечные лучи и свежий воздух. Тимофеич предусмотрел все, включая вентиляцию.

Подхватив рюкзаки за ляжки, я потащил их за собой волоком — марш-бросок меня настолько вымотал, что сил не осталось. Хорошо, идти недолго. Пройдя коротким коридором, я ввалился в жилую комнату и, не разуваясь, рухнул на жалобно заскрипевшую пружинами кровать. Нашупал висящую на поясе флягу и жадно к ней присосался. Мутноватая артезианская вода хлынула в пересохшую глотку и дальше, в скорчившийся от жажды желудок. Я не оттанавливался, пока фляга полностью не опустела. Придется сходить на толкучку в ТЦ, к продавцам во-

ды. Оставаться без воды нельзя. Да только подорожала водичка-то, подорожала. Если раньше за литровую флягу барыги просили две-три тюльпанные луковицы, в крайнем случае небольшую черепаху, то теперь цены взлетели больше чем вдвое. А добычи вокруг города становилось все меньше, и приходилось отходить дальше и дальше. Вчера, чтобы добыть хоть что-то съестное, мне пришлось уйти аж к пересохшему озеру и даже за разрушенные корпуса водовода. А это уже серьезный риск. Правда, вернулся я не пустым.

Вставать не хотелось категорически, и, прислушавшись к ноющим мышцам, я позволил себе полежать еще немного, бездумно глядя в темный бетонный потолок. Историю возникновения нашего со стариком дома я слышал много раз и всегда поражался упорству жилистого зеека, сумевшего в одиночку обустроить такую берлогу.

О том, что под обрушившимся зданием остались свободные пустоты, не знал никто, кроме старика Тимофеича. Кирпичный четырехэтажный дом был более чем преклонного возраста — его строили в семидесятых годах двадцатого века. Он пережил месяцы сумрака, ядерную зиму и сдался лишь перед неистовой яростью пустыни. Когда перекрытия и стены не выдержали натиска ветра и песка, они сложились внутрь и похоронили под собой немало людей. Чудом уцелевшие жильцы мрачно поглядели на заносимые песком руины, покопались по краям и отправились искать новое пристанище, благо пустых домов в округе хватало.

А Тимофеич остался. Как он потом рассказывал, ему очень уж жалко было оставлять все добро, что имелось в родной квартире. Не хлам, годный лишь для любования, а инструменты, какое-никакое оружие и множество хозяйственных мелочей. Старик жил здесь больше двадцати лет, с тех пор как откинул-

ся с зоны и осел в городе, где бóльшая часть домов была построена руками зэков. Тимофеич принялся за раскопки, мудро рассудив, что если стены сложились, то небольшой подвал с толстенными бетонными стенами мог и уцелеть. А в том подвале немало полезных вещей. Старик копал больше недели, борясь с постоянно осыпающимся песком и кирпичными обломками. И докопался.

Как он рассказывал, на засыпанный колотыми кирпичами проход удалось наткнуться, когда сил почти не осталось. Сюрпризы на этом не кончились. Стоило вытащить весь мусор из прохода, как открылась следующая щель, за ней небольшая сквозная каморка, дальше больше. Так, совершенно неожиданно для себя, Тимофеич оказался обладателем обширного подземного убежища, защищенного мощными бетонными перекрытиями, десятками тон строительного мусора и толстой подушкой постоянно наносимого песка. Старому зэку хватило ума скрыть следы работы от чужих глаз, и он принялся обустраивать новое жилище, благо руки у него были золотые. И строительного опыта в избытке — много лет Тимофеича кидали с одной социалистической стройки на другую. Поневоле научишься, наберешься опыта и знаний.

Вскоре бывший зэк окончательно обжился, привел все в порядок, закрыл щели ненужные и открыл необходимые — для освещения и вентиляции, — не забыв оснастить их прочными заслонками. Так и стал себе жить дальше. А двадцать шесть лет назад весенним апрельским утром бредущий по своим делам Тимофеич услышал доносившийся из заброшенного здания жалобный детский плач. Так в жизни старика появился я...

Наклонив голову, я взглянул на соседнюю кровать, предельно аккуратно застеленную старым одеялом

без единой складочки. На подушке лежали выточенные из пластика четки — на старости лет Тимофеич ударился в религию и частенько молился Иисусу. Грешки прошлого замаливал. Сколько раз я ему объяснял, что Бог уже отправил нас всех в ядерный ад, но старик лишь отмахивался и продолжал свое.

Почувствовав, что еще немного и опять расклеюсь, я рывком сел и перевел взгляд на лежащий у кровати рюкзак камуфляжной расцветки. Пора ознакомиться с нахапанной добычей. Отстегнув пару липучек и развязав узлы стягивающего горловину шнура, я вывалил содержимое рюкзака на постель и ошарашенно уставился на открывшееся взору зрелище. На старом штопаном одеяле бесформенной кучей лежало настоящее богатство.

Дрожащими пальцами я брал вещь за вещь и, благоговейно осмотрев и обнюхав, бережно откладывал в сторону. Пластиковые защитные очки с чистейшими неповрежденными линзами, семь банок армейской тушенки, несколько пар толстых носков — новых! — пять снаряженных пистолетных обойм, стельки к ботинкам, аптечка, несколько длинных изогнутых предметов, в которых я со священным ужасом опознал обоймы к автомату: видел такие у охранников с ТЦ. Еще один предмет вызвал у меня искреннее восхищение: плоский прибор прямоугольной формы с небольшим экраном и идущей поверху надписью «Radex». Счетчик Гейгера... Как говаривал в подобных случаях Тимофеич, когда был искренне поражен: «Святые угодники и иже с ними...»

Вот здесь на меня и накатило. Во что я вляпался, когда позволил жадности возобладать над благоразумностью? В моих руках настоящий клад. Сокровище подороже многих. Из-за него меня найдут и порежут на мелкие ленты живьем.

Да и сам погибший более чем странен — новый камуфляж, оружие. Кстати... обоймы для автомата есть, а вот самого оружия на трупе не было. Только пистолет. Отсутствовал не только автомат. Я не обнаружил самого главного — фляги с водой. Пустыня с жадностью вытягивает влагу из человеческого тела, и ни один разумный человек не рискнет отправиться в далекий переход без запасов воды. Погибший местным не являлся — тут я был уверен полностью. Белая чистая кожа практически без признаков загара, темно-русые, не выгоревшие от палящего солнца волосы... Таких у нас не водилось.

Я торопливо побросал все вещи обратно в рюкзак и засунул его под кровать. Туда же отправились окровавленные тряпки и обувь, предварительно завернутые в чистый пакет: как вернусь, займусь чистой. А пока надо дойти до ТЦ и послушать, что люди говорят. Стрельба из огнестрелов не могла пройти незамеченной для местных жителей. Может, разузнаю чего интересного и воды заодно прикуплю.

Только сначала прошвырнусь по близлежащей округе, чтобы не приходиться на толкучку с пустыми руками. Воды во флягу просто так не нальют, а на обмен у меня ничего нет. Предлагать вещи мертвеца я точно не собирался. Умом еще не тронулся. У меня, конечно, было заныкано несколько интересных предметов для обмена, но зачем трогать припасенное на черный день, если можно пробежаться по пустыне? Как говаривал Тимофеич, «волка ноги кормят».

Сборы не заняли много времени. Вскоре я размеренно шагал прочь от убежища, направляясь к виднеющейся чуть поодаль песчаной горе, чья вершина увенчана поблескивающим издали металлом. Некогда там стоял памятник — тем самым геологам, что обнаружили в сердце пустыни залежи золота и урана. В те

далекие социалистические времена над внешним видом памятника никто не стал особо заморачиваться и высекать из камня подходящие случаю скульптурные композиции — просто-напросто взгромозили на гору списанный грузовик с высоченной буровой вышкой вместо кузова. Все это дело покрасили серебрянкой, и памятник готов. После войны за монументом никто не следил, он медленно ржавел и разваливался на части. Серебрянка оказалась неожиданно стойкой и все еще держалась в некоторых местах, сверкая под лучами солнца. На тыльной стороне высокой бетонной площадки до сих пор виднелась памятная надпись. Ее смысл я понял благодаря помощи Тимофеича. Многие буквы бесследно исчезли, но кое-что все еще можно было прочесть: «В честь геоло...ов по...оживших нача...о промышлен...ого освоения...»

Сейчас на вершине располагался наблюдательный пост — за горой разлеглась узкая и длинная долина, по ней пробегала разбитая асфальтовая дорога, служившая официальной границей. По ту сторону дороги лежали бывшие дачи, теперь захваченные мутами и превращенные в их поселение. Обычному человеку туда лучше не соваться: сожрут за милую душу. К «чистым» там относятся, мягко говоря, с большой нелюбовью. И это чувство взаимно. Поэтому сидящие на горе наблюдатели нет-нет да посматривают в сторону дачного поселка. Давно ходят слухи, что внешние муты собираются наведаться в гости. И отнюдь не с дарами.

Выйдя на вытоптанную в песке тропинку, я пересек ее и, увязая в горячем песке по щиколотку, начал взбираться вверх по склону бархана. Едва поднялся и сразу же засек несколько тощих, укутанных в грязное тряпье фигурок, бредущих по тропинке и старательно осматривающихся.

Конкуренты, блин.

Так же, как и я, на охоту за тюльпанами и ящерицами вышли. Да только им ничего не светит — по тропинке идти, конечно, легче, но добычи там нет. Взглянув на горе-добытчиков презрительным взглядом, я хотел сплюнуть, но вовремя одумался и сглотнул вязкую слюну. Фляга пуста, а мне еще как минимум пару часов по пустыне бегать. Не стоит тратить драгоценную влагу на выражение эмоций.

Стоя на пологом песчаном холме, расфокусированным взглядом оглядел ближайшую местность и наткнулся на ярко-красное пятно, резко выделяющееся на желто-сером фоне песка. Вот это дело.

Шустро перебирая ногами, скатился вниз и поспешил к одинокому цветку. Место тут людное, хлебалом щелкать не след — по негласному закону, кто первым успел, того и добыча. Опустившись на колени рядом с цветком, снял с пояса остро отточенную саперную лопатку, вонзил ее в землю на всю длину лезвия, поддел и выворотил целый ком земли. Осторожно раздробил его пальцами, и у меня в ладони оказался полностью выкопанный тюльпан с неповрежденной луковицей бурого цвета. Хорошая такая луковичка, крупная. Бережно уложив цветок в рюкзак, затянул веревку на горловине. Поднял с песка лопатку, глянул на лезвие, словно собираясь отряхнуть с него налипшую землю, и, перехватив ее в метательный хват, крутанулся на пятках, занося руку для броска. Стоявшие у меня за спиной не ожидали такого финта и с нечленораздельными воплями шарахнулись в сторону.

— Битум, стой! Стой! Это же мы! Ты чего?!

С трудом удержав руку, я вгляделся в грязные и обросшие густой щетиной лица. Опознал и, грязно выругавшись, всадил лопатку в петлю на поясе. Федька и Джамшид, неразлучная парочка любителей дурмантравы. Худющие, трясущиеся в непрерывной дрожи,

несмотря на палящие лучи солнца. Вот, значит, кого я видел на тропинке.

— Дебилы! Мать вашу так! — буркнул я, еще не до конца успокоившись. — Нельзя к человеку со спины подходить! От дури мозги совсем сплавились? Смерти хотите?

— Битум, да ты чего? Чего ругаешься-то? — забубнил Федька, вытягивая перед собой пустые ладони. — Че такой нервный?

— Ошиблись мы, — оскалился Джамшид, показывая гнилые зубы с зеленым налетом от насвая. — Не бжайся сильно так, начальника.

— Начальники тридцать лет назад вымерли, — чуть более миролюбиво фыркнул я. — Не делайте так больше! Надо подойти — окликните издалека, а потом уже подходите, и руки на виду держать не забывайте. Поняли?

— Поняли, Битум, мы вообще понятливые, — закивал Федька и, пошарив внутри своего тряпья, протянул мне свернутый пакетик из полиэтилена. — Возьми, друг, закинься насвайчиком! Хороший очень!

— Не, — поспешно отказался я, с опаской глядя на грязный пакет. — Сами свою дурь хавайте. Небось намешали туда чего ни попадя.

— Как знаешь, Битум, — философски пожал плечами Федька, проворно насыпая на ладонь щепотку насвая. — Сами делали. Табак, чуток соленькой золы саксаула, кропаль извести...

— И дурман-трава, — с насмешкой продолжил я. — Что, я вас не знаю, что ли? Ладно, некогда мне болтать. Чего хотели?

— Позрать бы цего, — бесхитростно признался Федор, едва двигая оттопырившейся нижней губой: у него под языком примостилась очередная порция насвая.

— Да! Зрать кочется! — поддержал напарника Джамшид, умильно заглядывая мне в глаза.

— А я тут при чем? — делано удивился я, поглядывая по сторонам. — Кушайте, конечно. Я вам вроде не запрещал.

Услышав мои слова, оба доходяги зашлись в булькающем смехе, будто слышали самую лучшую в жизни шутку.

Утирая стекающую по подбородку зеленую струйку, Федька, все еще смеясь, выдавил:

— Не запрещал. Только жрать нечего. Совсем нечего.

— Нечего! — радостно заухмылялся плохо знающий русский Джамшид, исправляющий недостаток познаний при помощи мимики.

— Короче, от меня-то чего хотите? — начал я злиться. — Кормить вас не собираюсь.

— Нет, Битум, нет, — замахал руками Федька, взявший на себя все тяготы переговоров. — Хотим половину добычи! Только половину, друг! Ты убиваешь, а потом делим все по честняку. Мы тебя уважаем, дружан!

— Какой добычи? — поневоле заинтересовался я. Похоже, наркóты наткнулись на что-то интересное, но не могут справиться самостоятельно.

— Ты согласен? — с подозрением переспросил Федька. — Попролам?

— Ладно, попролам, — нехотя кивнул я. — Если возьмусь. Что там у вас?

— Ящерица! Большой ящерица! — встрял Джамшид, широко разводя ладони в стороны. — Большой-большой!

— Вы что, простую ящерицу поймать не можете? — разочарованно протянул я и махнул рукой. — Сами ловите. Там делить-то нечего — от силы полкило веса наберется.

— Нет! Битум, погоди! — Федор мертвой хваткой вцепился в полу моей брезентовой куртки. — Там другая ящерица! Большая! Много мяса, хорошего вкусного мяса! На всех хватит! Мы поможем поймать! Честно!

С подозрением взглядевшись во взволнованное лицо Федьки, я убедился, что он не врет. Уж больно умильно смотрит на меня, с истовой надеждой в глазах. Секунду подумав, я кивнул:

— Ведите, сам гляну, что это за ящерица такая.

Наркоты синхронно закивали, Федька поспешно выплюнул насвай и, утерев губы, ткнул обслюнявленной рукой в недавно пройденный мною бархан, за которым вилась тропинка.

— Там! Под камень залезла, сволочь, и шипит!

Джамшид поспешил в указанном направлении, обеими руками поддерживая сползающие ватные штаны и дергая головой.

— Джамшид покажет! Тут недалеко!

Хмыкнув, я убедился, что не оставил здесь ни одной вещи, проверил метательные ножи и бросил нетерпеливо переминающемуся рядом Федьке:

— Пошли.

Не соврали. Ящерица на самом деле была большой. Самой рептилии я не видел, но мне хватило оставленных ею на песке следов. Здоровая тварь. Никак не меньше полутора метров в длину, может, чуть больше. Судя по взрыхленной земле, наркоты сначала сами пытались поймать и прибить ящерицу, но так и не преуспели. Разозленная рептилия нашла убежище под квадратной бетонной плитой, неведомым образом очутившейся среди пустыни. Постоянные ветра выдули из-под плиты песок, образовав достаточное пространство, чем и воспользовалась ящерица. Не обращая внимания на исходящее из-под плиты злобное

шипение, я опустился на колени и еще раз изучил глубоко отпечатавшиеся в песке следы. М-да... ящерка-то оказалась непростой.

Отойдя на пару шагов назад, я взглянул на своих помощников и буркнул:

— Это ушан.

— И-и что? — заволновался Федька. — Хорошая ящерица, Битум! Чего ты? Не кидай!

— И то, что хрен она вылезет! Выгонять придется!

— Выгоним!

— Ну да, вы выгоните, как же. Дымовуху надо мастырить, — хмыкнул я и, сбросив рюкзак на землю, достал из наружного кармана несколько сплюснутых шариков от пинг-понга и кусок бумаги. Пошарив глазами по песку, подобрал небольшой, но увесистый камень. Выбрав один из шариков, аккуратно завернул его в исписанный неведомым школьником клетчатый лист, туда же засунул камень, чиркнул добытой из джинсов зажигалкой и поджег уголок. Едва вспыхнул завернутый в бумагу пластик, затушил пламя и удовлетворенно кивнул, глядя на повалившийся густой едкий дым. Готово.

— Как только выскочит, не дайте ему уйти к бархану. Если увидите, что не справляюсь, — мочите ящера камнями. Убить не убьете, но от меня отвлечете, — морщась от дыма, крикнул я наркотам.

Не дожидаясь их ответа, зашвырнул импровизированную дымовую гранату в нору и запрыгнул на плитку, выхватывая из петли саперную лопатку. Через мгновение из норы повалил вонючий серый дым, раздалось куда более громкое и яростное шипение.

Не понравился ящерке дымовой коктейль, ой не понравился. Дальше все закрутилось в бешеном темпе — из окутанного дымом отверстия вместе с фонтаном песка вылетел здоровенный ушан и, взрывая

лапами землю, закрутился на месте, ища врагов. Ящерица выбралась наружу столь стремительно, что я среагировал с запозданием и мой удар пришелся в пустоту. Широкий замах не прошел даром: я вынужденно сделал пару шагов вперед, чтобы погасить инерцию удара, и неожиданно для себя оказался прямо перед мордой ушана.

Завидев меня, ушан в бешенстве зашипел, показывая наливающуюся красным цветом пасть, утыканную страшными зубами. Дождаться укуса я не стал. С испуганным воплем взмахнул лопаткой снизу-вверх и с жутким хрустом вогнал лезвие в нижнюю челюсть рептилии. В следующую секунду я беспорядочно кувыркался по земле, сбитый с ног мощным ударом хвоста. Остановиться удалось лишь через несколько метров. Пошатываясь, поднялся на ноги и, ошеломленно трясая головой, потянулся за метательными ножами. Первый нож я метнул практически наугад, целясь в середину клубящегося облака пыли и дыма. Второй нож сорвался в полет более целенаправленно — из облака на долю секунды показался кончик хвоста ушана, и, мысленно дорисовав остальную тушу, я направил оружие в середину туловища. Сорвал с перевязи еще пару ножей и застыл в напряженной стойке, готовый мгновенно отпрыгнуть в сторону. Но этого не понадобилось.

Облако пыли стало медленно оседать, и вскоре я увидел ящерицу, старающуюся вновь заползти под плиту. Но засевавшая в глотке лопатка уперлась рукояткой в землю и не позволяла этого сделать. Более того — при каждом рывке ушана она погружалась глубже в тело. В несколько прыжков оказавшись рядом с тварью, я прыгнул ей на спину, придавливая гадину к земле, а ножами начал наносить сильные удары в шею, стараясь попасть в хребет. Остановился я, лишь

почувствовав, что рывки ушана перешли в судороги агонии и становятся все беспорядочней и тише. Конечно...

Почти свалившись со спины ящерицы, я на четвереньках отполз на пару шагов в сторону и обессиленно привалился к нагретой солнцем плите. Огляделся по сторонам и не удивился, не обнаружив поблизости парочки наркош. Трусливы они безмерно. Вроде и мозгов не осталось, а все за жизнь хватаются. Зацепив взглядом движение, перевел глаза на холм и злобно осклабился — вот они где, помощники фиговы: из-за гребня осторожно выглядывали две головы.

Выругавшись, тяжело поднялся на ноги и шагнул к затихшему ушану. Первым делом выдернул из туши метательный нож, подобрал с земли другой, затем ухватил ящерицу за лапы и одним рывком перевернул ее на спину, обнажая белесое чешуйчатое брюхо и разорванное горло. С усилием вытащив из раны лопатку, вернул ее в петлю на поясе. По-хорошему, надо ее сначала очистить от песка и крови, но не здесь и не сейчас. Хорошая добыча всегда привлекает к себе желающих урвать кусок, в том числе и двуногих, любящих полакомиться за чужой счет. Требуется срочно оттащить ушана в город, напрямик на толкучку. Этим и занялся — достал из рюкзака кусок прочного брезента, бухту капроновой веревки и принялся готовить добычу к транспортировке. Расстелил рядом с ящерицей брезент и перевалил на него тушу. Вновь достал лопатку и сильным ударом отсек еще дергающийся хвост. К этому моменту подоспели наркоши и, предусмотрительно держась чуть поодаль, жалобно завывали в два голоса, словно пустынные шакалы:

— Ай какой хороший охотника! — причитал Джамшид, всплескивая руками и хлопая себя по коленкам. — Ай какой молодца! Такой ящер убил! Ай-ай-ай!

— Ну, Битум, ты даешь! — не отставал от него Федыка, не сводя с ящерицы жадного взгляда. — Ушана завалил! Ну... ну ты просто... да ты вообще... ну... короче, ваше крутой...

— Не напрягайся, — фыркнул я, обвязывая ушана веревкой. — Чего-то хотели? Или просто посмотреть пришли?

— Битум, ты чего? А? Чего ты? — торопливо залопотал Федыка, не рискуя приближаться. Знает, падла, что накосячил. — Мы же договаривались! Помнишь? Договор у нас!

— Договор? — медленно повторил я. — Да, был у нас договор. Помню что-то такое... как же там... а! Вот сейчас вспомнил! Вы вроде как подписались мне помочь убить ушана, и тогда делим добычу пополам. Правильно я говорю?

— Но, Битум, братуха... — забубнил Федыка. — Это...

— Что «это»?! — рявкнул я зло. — Договор такой был! Но что-то я вас не видел, когда меня ушан порвать пытался! Да вы совсем нюх потеряли, нарки долбаные! За такую подставу знаете что бывает? Я вас сейчас на части покромсаю! И Пахан мне слова поперек не скажет! Я в своем праве! Все, валите отсюда! Чтобы я еще раз с вами связался!

— Вай, какой хороший охотника, — словно заведенный продолжал бубнить Джамшид, мелкими шажками семена в сторону. — Очень умелый охотника!

— Битум, погоди, братуха, погоди, — умоляюще проскулил Федыка, уже попросившийся с мясом. — Ну накосячили чуток, с кем не бывает! Сам знаешь, не охотники мы. Но ведь это мы тебе его лежку показали! Мы ящера под камень загнали! Мы! — Нарк едва не стучал себя во впалую грудь.

— Чуток накосячили? — фыркнул я, разгибаясь. — Это чистой воды подстава. Вы меня кинули, уроды!

Или, может, так и планировали? А? Мол, ушан меня порвет, а вы мой шмот хапнете?

— Да ты что, Битум! — шарахнулся назад Федор. — Ты что! В мыслях не было! Ты нам как брат! Дружбан! Мы за тебя любому глотку порвем! Ты только покажи — и мы сразу рвать начнем! На части! На мелкие кровавые части, братан, все ради тебя!

— Короче, половины мяса не получите! Не заслужили! Но хвост, так и быть, забирайте. За наводку именно столько и причитается — десять процентов. Все честно.

— Битум...

— Я все сказал! — отрезал я. — Либо берете хвост, либо валите отсюда к такой-то матери! И то хвост еще отработать надо — дотащите ушана до толкучки!

— Лады, Битум. Договорились, — глотая слова от спешки, согласился Федька. — Договор!

Ишь, как заговорил. Чувствует, что серьезно напортачили. Я еще добрый — часть мяса отдаю, другой давно обоих недоделков в бархане прикопал бы за такие дела. Но сегодня я и правда пышу добротой — воспоминание об утренней добыче греет душу, да и ушан оказался на редкость жирным. Я знал, кому сдам тушу: Саиду, хозяину шашлычной, что притулилась в бывшем летнем кинотеатре, в двух шагах от толкучки. Заодно и наемся от пуза, а то живот недовольно урчит, намекая, что был пропущен не только завтрак, но и обед вот-вот пройдет без крошки съестного во рту. Саид пару кусков жареного мяса всегда даст. Не зажмет. Стола в зале для богатых клиентов не накроет, но я и на краешке кухонного могу перекусить. Я не гордый.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая.</i> Чудеса утреннего променада	7
<i>Глава вторая.</i> Толкучка	32
<i>Глава третья.</i> Разговор с хозяином ТЦ	72
<i>Глава четвертая.</i> Встреча с чужаками	107
<i>Глава пятая.</i> Дорога среди песков	117
<i>Глава шестая.</i> Мертвый исполин и звериное племя людоедов	143
<i>Глава седьмая.</i> Отвалы	182
<i>Глава восьмая.</i> Яма	209
<i>Глава девятая.</i> Цель	219
<i>Глава десятая.</i> Тот рокот, грозный вестник горя... . . .	242
<i>Глава одиннадцатая.</i> Беседы на перекрестке...	257
<i>Глава двенадцатая.</i> Золотая клетка	262